

Российское психологическое зарубежье

1917 год в жизни российских психологов-эмигрантов первой волны¹

Масоликова Наталья Юрьевна

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Россия

e-mail: nmasolikova@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ биографий представителей российского психологического зарубежья первой волны в связи с революционными событиями 1917 года в России.

Ключевые слова: российское научное зарубежье первой волны, российское психологическое зарубежье, история отечественной психологии, революция 1917 года.

The Russian revolution of 1917 as a part of biographies of Russian psychologists-emigres

Masolikova Natalia Yurievna

Aleksandr Solzhenitsyn Center for Russia Abroad, Russia

e-mail: nmasolikova@gmail.com

Abstract. The article analyzes influence of the Russian revolution of 1917 on the biographies of the Russian psychologists-emigres of the first wave.

Keywords: First-Wave Russian Academic Diaspora, Russian Psychological Abroad, History of Russian Psychology, Russian revolution of 1917.

Данное сообщение предлагает ознакомление с промежуточными исследовательскими результатами в рамках комплексного изучения состава российского научного зарубежья, в том числе психологического, первой половины XX в., проводимого в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына.

¹ (Материал был представлен автором на семинаре «Неизвестные страницы истории российской психологии» Фестиваля наук в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 20 февраля 2017 г.)

На сегодняшний день мы имеем возможность оперировать 85 фамилиями персоналий – ученых, мыслителей, общественных деятелей – имевших отношение к развитию отечественной психологии в первой половине XX в. и покинувших Россию по тем или иным причинам. Подчеркнем – именно фамилиями, так как на сегодня не во всех случаях имеются полноценные биобиблиографии. Это подтверждает уже высказываемый нами ранее тезис о том, что, не смотря на признанное влияние, которое российская научная диаспора оказала на течение мировой научной мысли, развитие многих национальных научных сообществ и гражданских обществ в начале прошлого столетия, персональные труды, карьеры и судьбы ученых-эмигрантов остаются фрагментарно изученными.

Известно, что в Российской империи к моменту начала революционных событий 1917 г. институционализация психологии как самостоятельной науки находилась еще в процессе, в движении и не была окончательно оформлена. В ее системообразовании участвовали на тот момент представители различных сообществ – врачи, психиатры, педагоги, философы, юристы, писатели. Не будучи психологами по образованию, они вносили свой вклад посредством создания научных трудов в смежных с психологией областях или же целенаправленно в поле психического, посредством совместных с психологами исследований, а также в контексте благотворительной, общественной и организационной деятельности в этой сфере знания. Схожая многогранность была присуща в этот период и направлениям исследований – от известного драматического соперничества между старожилками-философами и нарождающимися экспериментаторами в деле познания человеческой природы, через надушенный психоаналитическими воззрениями еще открытый воздушный коридор взаимодействий с мировой наукой, к захватывающим и одновременно тревожащим идеям построения Нового человека в новых надвигающихся реалиях. Подобные научно-исторические обстоятельства обусловили особый профессиональный облик отечественного психологического сообщества, в том числе и его будущее зарубежное крыло, а также подход к комплектованию нами биобиблиографического материала.

Учитывая современный повышенный общественный интерес и исследовательско-исторический накал, вызванные 100-летием русской революции 1917 г., нам показалось небезынтересным взглянуть на биографии ученых-психологов-эмигрантов сквозь призму этого события - как именно связаны в их жизненных сценариях эмиграция и революция?

Анализ биографий, изначально представленных в материале для пилотного выпуска биобиблиографического словаря «Российское научное

зарубежье. Психологические науки XIX-первая половина XX века» [3], дает нам возможность проследить несколько групп, в составе которых наши персоналии подошли и пережили переломный исторический момент в России. Заметим, что деление на группы весьма условно – это скорее некие течения, тенденции, так как зачастую одна и та же биография дает нам материал по нескольким критериям сразу. Тем не менее, выделенные специфические характеристики, которые легли в основание групп, достаточно четко прослеживаются в биографических портретах. В случае многослойности характеристик той или иной персоны, в качестве определяющей мы опирались на наиболее продолжительную из них по времени.

Первая выделенная нами группа – **ученые, эмигрировавшие до 1917 г.** (13% от общего состава персоналий). Мы встречаем истории отъезда из страны в детском или юношеском возрасте, в составе и по решению семьи. Подобная жизненная траектория, например, представлена в биографии швейцарского невропатолога и нейропсихолога К.И. Монакова (1853-1930), покинувшего Российскую Империю ребенком, вместе с семьей. В этой же группе представлены примеры выбора иного места проживания в связи с началом обучения в зарубежном университете - например, будущий известный американский культурный антрополог и социолог А.А. Гольденвейзер (1880-1940), автор работы «History, Psychology and Culture» (New York, 1933), уехал в США в 1900 году в 20-летнем возрасте для поступления в Гарвардский университет. Значительно реже мы сталкиваемся с примерами сознательного переезда в зрелом возрасте, как в случае, например, с библиопсихологом Н.А. Рубакиным (1861-1946), уехавшим в Швейцарию в 1907 г. в возрасте 46 лет.

Вторая, наибольшая, группа – **эмиграция представителей психолого-педагогического крыла после 1917 г.** (80%). Не смотря на объединяющий фактор произошедших в этот период социально-политических перемен, индивидуальные обстоятельства выезда из страны внутри этой группы имели свои особенности.

Мы наблюдаем несколько течений, лидирующее из которых – ученые, принявшие решение об отъезде сознательно и выехавшие самостоятельно. Возможность легального выезда реально существовала в первые годы советской власти. Так, Е.В. Антипова (1892-1974), педолог, будущий бразильский психолог и общественный деятель, в 1923 г., будучи психологом-обследователем Центрального Карантинно-Распределительного Детского Пункта в Петрограде, еще свободно рассуждает в переписке с мужем, писателем В.Я. Ирецким, чуть ранее высланным из страны, о возможности

переехать к нему в Германию с малолетним сыном [2] (и легально осуществляет этот план годом позже). В других случаях присутствовал прямой риск для жизни. Так, например, историк и философ Г.М. Катков (1903-1985), исследовавший вопросы психологии в пражский период эмиграции, был вынужден пересекать российскую границу с Польшей тайно, по воспоминаниям его дочери, переодевшись в крестьянскую одежду [1]. Для эмиграции в подавляющем большинстве использовались частные финансовые ресурсы и связи. Одновременно мы встречаем и способы смены страны проживания путем принятия приглашения на временную работу от иностранных партнеров или не возвращения из рабочей командировки. Так, физиолог и психолог В.А. Анри (1872-1940) покинул Петроград в 1919 г., выехав во Францию в качестве члена комиссии по закупке оборудования и литературы для созданного в 1918 году Государственного оптического института. Один из первых детских психоаналитиков и основателей психоаналитического движения в Израиле М.В. Вульф (1878-1971), будучи научным сотрудником Государственного психоаналитического института и президентом Русского психоаналитического общества, в 1927 г. выехал в Берлин в командировку и в СССР уже не вернулся. Эмиграция в составе семьи, в детском возрасте встречается и в этот период – это истории А.Б. Рапопорта (1911-2007), виднейшего представителя операционализма, специалиста по экспериментальной психологии, применившего одним из первых теорию игр для психологического анализа, в 1922 г. эмигрировавшего с родителями в США в 11-летнем возрасте, или петербурженки Е.М. Ганфман (1905-1983), а позднее американского социо- и патопсихолога, коллеги К. Коффка и Я. Казанина, оказавшейся с родителями в возрасте 15 лет сначала в Ковно (Каунас, Литва), а в 1922 г. – в Берлине.

Отдельную подгруппу составили специалисты, в чьих историях присутствует обстоятельство «был эвакуирован» (что не всегда, как нам кажется, могло предполагать однозначную, решительную личную готовность к отъезду из страны). Таким примером служит жизненный сценарий Н.А. Ганса (1888-1969), британского историка образования, педагога, психолога, общественного деятеля, до последнего момента с энтузиазмом выполнявшего свои обязанности в Одесской городской Думе и на поприще преподавания, эвакуированного, благодаря семейному союзу с гражданкой Великобритании, английским флотом в 1920 г. в ходе захвата города Красной армией.

Пожалуй, самой известной (немногочисленной по количеству, но более чем весомой по качеству) является подгруппа ученых-гуманитариев,

высланных из страны против их воли и ставших пассажирами печально известного «философского парохода». Отметим, что, применительно к психологии, высылке подверглись психологи-мыслители (например, С.Л. Франк (1877-1950), Б.П. Вышеславцев (1877-1954), Н.О. Лосский (1870-1965)), лидеры направлений в своих областях науки (например, психиатр Г.Я. Трошин (1874-1938), специалист по философии и психологии научного и художественного творчества И.И. Лапшин (1870-1952)).

Небольшую, но специфическую подгруппу составили имена ученых мужей, вставших на путь открытой и активной оппозиции новому режиму и принимавших участие в Белом движении. Представителями этой прослойки, например, были будущий доктор психологии (а в период гражданской войны – так называемая «майкопская атаманша») Н.Ф. Бурова (1894-1998), автор научных трудов по истории, теории и психологии военного дела, генерал-лейтенант Н.Н. Головин (1875-1944), автор учебного пособия по социальной психологии, товарищ министра народного просвещения в правительстве адмирала А.В. Колчака Г.К. Гинс (1887-1971) и др.

Третья выделенная нами группа была обозначена как «**особые истории**» (4%). Минимальная по количеству, она аккумулировала биографии ученых, совершивших в некотором смысле исторические кульбиты на своем жизненном пути, и чьи истории уникальны по своим обстоятельствам. Здесь представлены ученые-возвращенцы, прожившие за рубежом существенное количество лет и по разным причинам вернувшиеся на Родину, а также оказавшиеся за границей иными «не стандартными» путями. Драматическим примером служит судьба С.Н. Шпильрейн (1885-1942), задолго до 1917 г. покинувшей Российскую империю в статусе психиатрического пациента, вернувшейся уже в Российскую Федерацию авторитетным исследователем-психоаналитиком и трагически погибшей за свою Родину, национальность и семью. Менее тиражируемая, но наполненная не меньшим накалом страстей – биография религиозного философа и психолога Ивана Пименовича Четверикова (1880-1969), чья судьба не содержит однозначных объяснений его непростых жизненных выборов [4]. Стажировавшись в начале своего пути в Германии, позднее он окажется в этой стране в качестве военнопленного; точно также, найдя свое призвание в религиозной философии, Четвериков попытался уйти или расширить свои границы познания (а, возможно, просто выжить) через педологию, экспериментальную психологию, психотехнику, педагогику, все же вернувшись позднее в лоно религии.

«**Отсутствие информации**» – данный критерий очертил четвертую малочисленную группу. Она составила 3% и выделила ряд имен, чьи

подробные биографические данные, в том числе и персональные причины эмиграции, остаются пока неизвестными (например, Л.Г. Вальтер (1889-1938?), С.Я. Верещака (1899-1935?), А. Иванов (1897-1962)).

Приведенный тематический анализ биограмм представителей отечественной психологической школы в зарубежье позволяет нам сделать некоторые обобщения.

Произошедшие революционные события в 1917 г. в России не вызвали массовой или централизованной оппозиции в формирующемся отечественном психологическом сообществе. Более того, в первые годы смены политической власти мы встречаем примеры получения новых должностей, попытки формулирования новых научно-экспериментальных задач или сознательного встраивания, житейского и профессионального, в предложенные социально-политические изменения. Одновременно имеются отдельные прямо-противоположные примеры явного сопротивления, в том числе в составе Белого движения. В подавляющем большинстве известных нам на сегодняшний день случаев причиной смены места проживания и профессионального приложения стали драматические изменения в политическом, социальном и научном мироустройстве нового советского государства, последовавшие уже после революционных событий 1917 г.

Эмиграция среди гуманитариев психолого-педагогического направления в подавляющем большинстве была осознанно-самостоятельным шагом. При этом важно отметить, что насильно выдворенные из страны представители отечественной психологической сферы знания составили касту ее философско-аналитического крыла, а также являлись лидерами направлений.

Несколько заступая за круг очерченных задач данного сообщения, отметим, что профессиональные карьеры подавляющего большинства эмигрировавших ученых и общественных деятелей, напрямую или косвенно связанных с психологией в Российской империи до 1917 г., в той или иной степени состоялись, сохранив свой философско-медико-психолого-педагогический фокус. Интересно, что задача обязательного сохранения русского языка как базового в ежедневной профессиональной деятельности, публикациях или исследованиях специалистов медико-психологического толка просматривается не так остро в отличие, например, от строго педагогического эмигрантского сообщества. Большинство психологов-профессионалов-практиков пошли по пути встраивания индивидуальных карьер, выбирая, скорее, путь ассимиляции, чем адаптации, неизбежно интегрируясь, так или иначе, в мировую науку. При этом, Россия/Советский Союз как страна и государство, русский язык и культура, а также уже приобретенный на Родине

профессиональный опыт зачастую использовались учеными в качестве предметов исследования, сравнения, базы построения последующих научных поисков в иноязычной и межкультурной среде, давали старт новым темам и направлениям. Впрочем, русскость и русскоязычность использовались психологами-эмигрантами также и в качестве предмета прицельной аналитики с ментально-культурологической, социологической, геополитической и военной точек зрения, для построения манипуляционных или пропагандистских технологий, изучения образа «врага», в зависимости от задач новых работодателей и неснижаемого с годами интереса в мире к советскому государству. Однако это – одна из многих тем следующих исследований и дискуссий.

Список литературы:

1. Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Новые свидетельства к биографии историка Георгия Каткова (1903-1985) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 110-117.
2. РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 106, 113-114об.
3. Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: Психологические науки: XIX – первая половина XX в./ Авт.-сост. Н. Ю. Масоликова, М. Ю. Сорокина. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010.
4. Стояхина Н.Ю., Мазиллов В.А. Иван Пименович Четвериков: эпохи жизни // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 108-122.

References:

1. Masolikova N.Yu., Sorokina M.Yu. Novye svidetel'stva k biografii istorika Georgiya Katkova (1903-1985) // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2013. № 4. S. 110-117.
2. RGALI. F. 2227. Op. 1. D. 121. L. 106, 113-114ob.
3. Rossiiskoe nauchnoe zarubezh'e: Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya. Vyp. 2 [Pilotnyi]: Psikhologicheskie nauki: XIX – pervaya polovina XX v./ Avt.-sost. N. Yu. Masolikova, M. Yu. Sorokina. M.: Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2010.
4. Stoyukhina N.Yu., Mazilov V.A. Ivan Pimenovich Chetverikov: epokhi zhizni // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2018. № 2. S. 108-122.

Сведения об авторе:

Масоликова Наталья Юрьевна, ведущий научный сотрудник отдела истории русского зарубежья, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия)